

Рожайе / рассказ

Category: Hekayaalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Рожайе / рассказ РОЖАЙЕ

Перед поездкой в город Рожайе мне снился сон. Я общалась с каким-то мужчиной, а потом положила рядом с ним, спящим, нежный цветок. Вроде это была роза. А может, и вовсе я с ним не общалась, и весь сон только и состоял из цветка и его собственных сновидений.

Рожайе, Черногория – чайной ложкой влитый город в приграничное пространство гор. Выехать из Белграда, чтобы пограничники поставили в паспорт печати о въезде и выезде. Так мне можно спокойно пробыть в Сербии еще месяц, как раз пока делают вид на жительство.

Название этого городка, который до этого мне удалось увидеть лишь краем глаза, звучит анатомически. В православно-католической Черногории это город умеренного ислама. Вот и все, что я о нем слышала. В первый раз, когда мы проезжали городок, мой муж мне сказал: «Обрати внимание: здесь в кафе ты не увидишь ни одной женщины. Разве только она там работает или случайно». Кроме этого об исламе торжественно говорили высокие минареты. Точнее, не говорили, а пели.

Путь был долгим, и не в том дело, что дороги размыло, просто балканские перевозки стабильны в своих опозданиях. В чем вы всегда можете быть твердо уверены, передвигаясь местным автобусом, так это в том, что он обязательно опоздает. Остановок в пути не так много, притормозить водителя на одну лишнюю минутку он не позволит. За рулем «шеф» всегда вполне лих, так что откуда или за счет чего набираются часовые опоздания, непонятно.

На границе мы были часа в четыре, это при обещанных пяти-шести часах в пути и при выезде ни свет ни заря. Простояли в Нови Пазаре, южной оконечности Сербии. Этот город я помнила по сводкам новостей – некий рабочий, не дождавшись зарплаты от руководства завода, откусил себе палец, а потом еще и съел

его. Задерживаться в Пазаре не хотелось, к тому же рядом тоской и кровью пульсирует Косово. Теоретически я бы могла въехать туда и поставить штамп. Но вот на въезде обратно в Сербию его бы не приняли. Сербы считают Косово Сербией, а косовары – уже нет. Абсурдная география нового мира.

Планы приехать в Рожайе и тут же вернуться в Белград так и остались планами. Грустный заснеженный вид городка с минаретами говорил не в пользу частого автобусного сообщения. Щуплый красавчик в окне информации сообщил, что ближайший автобус отправится в столицу Сербии в половине двенадцатого ночи. Предстояло торчать здесь весь день и весь вечер, ехать ночь со строителями, коверкающими русские слова. Терпеть курение в автобусе. Отвечать, не раздражаясь, о многовековом славянском братстве. Не реагировать на мужское внимание.

На мне были тряпичные кеды и синий морской пиджачок. Потолкавшись на станции, вспомнила, что рассказывал о мусульманских кафешках и улицах муж. Кроме меня дам видно не было. Выглядела я так себе. Страшно болела голова, и хотелось выпить.

В городке обнаружилась аптека. В ней хозяйничала некая Мима, крашенная под одесскую торговочку, окликающая собачку по кличке «Пуля». Честно говоря, они обе мне сразу понравились, особенно после того, как Мима предложила мне чаю и даже возможность поспать в подсобке, если уж головная боль совсем невогнута. Боль и вправду была ядреной, но желание посмотреть Рожайе пересиливало. Так что я поблагодарила и вышла на улицу. Мима метнулась за мной, крикнув что-то стоящему рядом мужчине. Он был высокий и добрый, с лицом потерявшегося ребенка и мягкими ровными жестами. Так выглядят гении, дети и дураки. Мгновенно меня охватило смутное ощущение близости. Он стоял у машины и тихо разговаривал с Мимой. Мима показывала на меня и о чем-то его просила.

Во сне человеческое лицо становится ликом. В нем с точностью до боли обретается душа. До щемящих касаний счастья – узнавания, принятия, встречи. Становится образом, с точкой света в сплетении, на груди, откуда выходит душа. Если коснуться рукой солнечного сплетения или родничка, можно

почувствовать силу света. У этого парня было такое лицо, как будто он в ту минуту видел сон.

Он кивнул Миме, посмотрел на меня и на приличном русском сказал, что покажет, где можно поесть. Спросил, чего я хочу. Перечислив с голодной дороги все виды салатов и мяса, я немножко смутилась. Мирзад – так его звали, показал мне чудесное место, завел внутрь кафе и вышел. Я поймала себя на мысли, что мне очень жаль.

Еда в кафе оказалась такой вкусной и дешевой, какой она бывает исключительно в малоизвестных провинциальных городах. Есть хотелось еще и еще, и плевать, что весь персонал, не скрывая, уставился на меня. Ощущение мартышки в зоопарке то и дело сменялось отчаянным любопытством насчет судьбы моего нового друга.

Трудно понять, чем нас способны привлечь незнакомые люди. Тут важно учитывать и сам момент встречи. Где, когда, а не только – кто. Думаю, острое родство с Мирзадом я ощутила, именно находясь в волнующей атмосфере приятной тревожности незнакомого места. Непонимания, чем может закончиться для меня следующая минута. Некто огромный, плавный и ровный, будто знакомый, словно из сна, вносил безмятежность в общее состояние дискомфорта. В Рожайе мне было интересно и страшно, но насколько «умеренным» там был ислам, я могла только предполагать. Не понимая, кроме того, насколько умеренны здесь нравы по отношению к одиноко путешествующим девушкам.

Стыдно признаться, но из уютного кафе меня тянул не только манящий образ доброго Мирзада. Страшно хотелось выпить. Я вышла и увидела своего друга. Меня ожидал? Не скажу, что я была против.

Через полчаса мы сидели в ресторанчике в центре города. Пили виньяк и покуривали сигареты. Я даже успела сбегать в интернет-кафе и отправить пару писем. Мирзад терпеливо ждал у дверей. Улыбался.

Мы говорили на русском и сербском. Оказалось, мой визави по полгода проводит в Стамбуле. Занимается одеждой. То есть у нас вообще ничего общего.

Во время разговора он то и дело заглядывал мне через плечо. В

конце концов, я обернулась и увидела через дорогу его магазин. Мирзад несколько раз выходил – к нему приходили клиенты. В одно из таких возвращений принес мне теплый стамбульский свитер и куртку. Виньяк горячил душу, тело согревал Стамбул. Разум занял Мирзад.

Вечер в горах, особенно зимних, требует исключительного человеческого общения. Я сказала Мирзаду о том, что поведал мне об этом городе мой муж. Рассказала, что и сама не вижу ни одной особи женского пола. Что аптекарша Мима и собака Пуля не в счет. Мирзад пробовал меня разуверить.

Я все время смотрела на его руки. Мягкие, большие, даже огромные. Для работы с одеждой такие ни к чему. Как он с ними управляется? И не нужна ли ему помощь?

Мы вышли в морозный вечер. Холод обхватил, удивил, ранил бы, если б не быстрый шаг. Местные парни на улицах то и дело останавливались якобы поприветствовать Мирзада, на самом же деле – поглазеть на меня. Тонкие кеды и синий морской пиджачок под стамбульской мирзадовой курткой – вид был совсем экзотический, так что нас долго не отпускали. Друзья Мирзада все как один были выше прибрежных кипарисов и краше итальянских кинозвезд. Напомаженные коки у каждого второго вкупе со спортивным ретро-авто дополняли картину. Высокие, как минареты, красивые, смешливые. Северные Эмираты – ислам, много мужчин, много денег, холодно.

Мирзад рассказывал о каждом, кто попадался нам на пути. В итоге, когда мы зашли в ресторан в единственном отеле города и к нам присоединилась огромная компания его друзей, я знала все о каждом из них. Этот торгует оружием, говорит, что легально. Тот учился вместе с Мирзадом и теперь помогает ему при поездках в Стамбул. Кто-то строит дома в Сербии, а иные развозят леса по Балканам.

Чувство тревоги почти совсем покинуло меня, даже тогда, когда я поняла, что и вправду являюсь единственной женщиной среди почти двадцати местных. Мы болтали о том, что мой папа узбек и что он, в принципе, разделяет и их веру, и нашу. Что я живу с черногорским сербом, который уже, в принципе, бывший муж, и у меня растет сын.

У парней были странные имена. Смесь албанских, турецких, персидских. Моя фамилия показалась им родней и понятней, нежели имя моего сына — их соотечественника.

Мир вокруг был удивительным. Высоко в горах, где зима и холод, высятся минареты, которые с самого детства ассоциируются исключительно с пряностью, зрелостью и жарой. Мусульмане всегда представляются упрямыми, низкорослыми южанами, с рождения уверенными в своей правоте. А напротив меня наперебой смеялись и шутили стройные герои итальянского неореализма. С оливковым цветом кожи и ростом Майкла Джордана.

Мы пили виньяк и сравнивали узбекские слова и местные «тюркизмы». Выяснили, что у них даже есть слово «шеран», происходящее от тюркского «шер» и означающее «бешеный». Оживлялись, раз в час увидев женщину, пересекающую площадь за ресторанным окном. Удивлялись, как дочь узбекского «единоверца» могла принять православие с заносом в католичество. Рядом всегда был Мирзад, то и дело поясняющий все, чего не удавалось мне.

Ночью пошли в местный клуб. Танцевали и пили. А потом мы с Мирзадом отправились погулять. На прощанье пообещали друг другу быть счастливыми. Обнялись, я нырнула в провальную дыру ночного автобуса, чтобы никогда его не увидеть. Вынимая плеер, засунула руку в карман новой куртки, и наткнулась на что-то острое. Вынула — роза. Мирзад.

Сон — это как вложить возлюбленному ладонь в ямку между лопаток, в теплое место по центру спины, невыносимое в своей нежности. Сон отпускает грехи, преобразуя лицо спящего. Дети всегда словно спят, совершенство их бытия восхищает, но притирается, спустя время мы прекращаем его замечать. Взрослые ищут шанс на восхищение во сне.

Человек, изможденный успехом и грустью, спит, как большой милый слон, нежный символ любви, ожидания чуда. Его лоб осеняет безоговорочная свобода, радость прогулки по ту сторону сладкого бытия. Ночь сеет свои поцелуи, отпускает, прощая, укачивая. Колыбель человечества в колыбельных мотивах ночи.

Подъезжая к Белграду, я все же сумела вздремнуть. В голове проплывали волшебным парадом горы, снега, минареты и роза.

Видел ли кто-то меня в своем сне? Оставлял ароматный цветок для меня? И кто, проснувшись, угадает, узнает меня и вспомнит? По цветку? Или просто так?

Об авторе: ЮЛИЯ МИЛОВИЧ-ШЕРАЛИЕВА

Культуролог, лектор, прозаик. Автор книги «Как выучить любой иностранный язык», переведенной на китайский и японский языки; книги «Место сердца», статей и цикла эссе «Балканские записки», переведенного на сербский язык. Преподаватель в вузах. Дипломант и лауреат литературных премий им. Волошина, участник международного проекта литераторов и переводчиков «Минская инициатива». Neçaýalar